

АНТОН ЧИЖ

КТО ЗОВЕТ

ТЕБЯ

Часть сборника: Трепет черных крыльев (сборник)

АНТОН ЧИЖ
Кто зовет тебя

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Чиж А.

Кто зовет тебя / А. Чиж — «Эксмо», 2017

«...В криминалистику я нырнула с головой. Мой руководитель диплома не мог понять, зачем выпускнику медицинского, получившему красную корочку, идти в полицию, когда впереди прямая дорога в интернатуру и ординатуру. Я сильно огорчила его: отдала документы на подготовку в институт МВД – мне было интересно иное...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

© Чиж А., 2017
© Эксмо, 2017

АНТОН ЧИЖ

Кто зовет тебя

© Чиж А., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В криминалистику я нырнула с головой. Мой руководитель диплома не мог понять, зачем выпускнику медицинского, получившему красную корочку, идти в полицию, когда впереди прямая дорога в интернатуру и ординатуру. Я сильно огорчила его: отдала документы на подготовку в институт МВД – мне было интересно иное.

Многие сокурсники в прозекторской падали в обморок. У меня же мертвое тело вызвало не страх, а любопытство. Устройство внутренних органов, нервной системы, мышц, костного аппарата, мозга – все было чрезвычайно интересно. Лечить живого человека скучное и бесполезное занятие. Больные хотят жить, не понимая, что наука важнее их мелочного желания. Мертвое тело позволяет заниматься наукой так, как хочется. Не понимаю, как можно бояться трупов. Это все равно что бояться живой природы. Ученый, изучая труп, доказывает: в человеке нет никаких тайн, нет ничего невероятного, как хотят убедить разные шарлатаны. Человек – всего лишь совокупность физиологических процессов. То, чего мы пока не знаем, – временное несовершенство научных методов познания.

Эти принципы я изложила моему начальнику, доктору Лямину, в первый день работы в экспертно-криминалистическом центре МВД. Он достал из сейфа ополовиненную бутылку коньяка и наполнил рюмки. Я отказалась пить: ученый не имеет права отуманивать мозг алкоголем. Лямин осушил обе рюмки, показав очевидную слабость характера, крепко пожал мне руку и сказал:

– Вот такого молодого специалиста мы только и ждали. Добро пожаловать в коллектив, Авдотья Чернова. Будете вести направление медико-криминалистических экспертиз.

Коллеги предоставили мне возможность заниматься исследованиями сколько угодно: на вызовы чаще всего отправляли меня, а если кто-то просил подменить на дежурстве, я всегда соглашалась. Молодой ученый не должен отдыхать, если собирается добиться чего-то в науке. В моем возрасте надо трудиться, сколько хватает сил. Великие открытия совершаются, как известно, до тридцати лет. Доктор Лямин хвалил мои заключения за точность и научную обоснованность. Мне было приятно, но я прекрасно знала, что цели, которые я перед собой поставила, еще предстоит достичь.

Пришел май. Я приняла очередное дежурство вместо заболевшего коллеги. Вероятно, причиной болезни была отличная погода или заботы дачника. Около десяти часов вечера поступил вызов. Я поехала в отдаленный район города, застроенный в середине шестидесятых годов прошлого века типовыми зданиями. Хотя район был назван романтическим женским именем, ничего романтического в нем не было: статистика правонарушений была печальна.

Между шестиэтажными корпусами, обшарпанными и ждущими ремонта, имелся типичный для таких районов пустырь с вытоптанной травой. По периметру он обсажен кустами, в углу располагались детская горка и песочница, примерно в десяти метрах от которой я заметила участкового и дворника в оранжевой накидке, топтавшихся возле накрытого брезентом тела. Оперативники РУВД пропустили меня к нему.

Я не люблю делать поспешные выводы. Довольно часто причину смерти приходится искать, но у этого человека причина была на виду: он умер от того, что ему перегрызли шею. Голова держалась на позвоночнике, в районе горла – широкая рана, уходящая в разворочен-

ную грудную клетку, из которой торчали обломки ребер. Кусок вырванной плоти болтался на коже. Под телом огромная лужа крови – земля не успела впитать ее всю, и затылок жертвы плавал в небольшом черном озере. За долю секунды я составила для себя портрет жертвы: мужчина довольно крепкого сложения, с развитой мускулатурой, возраст – чуть за сорок; рост немного ниже среднего, при весе больше ста килограммов; короткие ноги, руки борца. Про таких обычно говорят: «крепьш». Круглое лицо с массивным подбородком, череп зеркально выбрит. Мужчина лежал, завалившись на бок, в позе эмбриона, его правую руку обвивал поводок... Я искала глазами и увидела собаку: коренастого ротвейлера, которого отстегнули от поводка и увели в сторонку. У кобеля тоже была отлично развитая мускулатура, а на теле имелось множество заживших шрамов. Очевидно, собаку использовали для нелегальных боев. Ротвейлер мелко дрожал, из пасти капала густая слюна...

Криминалист-медик не имеет права на фантазии. Он оперирует фактами. Я знала, что вот-вот последуют вопросы, и я должна буду ответить на них. Например, меня могли спросить: «Что же здесь произошло?» Но я имела полное право хранить молчание до подписания протокола. Тем более что... Я пока не знала ответа на вопрос. Я не сталкивалась ни с чем похожим. Рана была нетипичная, в моей практике такие не попадались.

Как и следовало ожидать, подошел Толя Копылов. Он неплохой, в общем-то, опер, но чрезвычайно скользкий человек. К тому же уверенный в том, что магнетически действует на девушек. Возможно, для кого-то он и неотразим. Только не для меня.

– Дося... – Вот так фамильярно обычно обращается он ко мне, и я вынуждена терпеть. – Ты видала что-то похожее?

– Без детального осмотра не могу делать заключения, – ответила я сухо.

– Брось, просто скажи: что ты об этом думаешь?

– Не могу гарантировать, что предварительная оценка войдет в протокол, – процедила я.

– Дося, не будь занудой. Ты же симпатичная, на первый взгляд, девушка.

Таковыми вот шуточками блещет Копылов. Думает, что блещет.

Я ответила, что подобную рану невозможно нанести режущим предметом, очевидно, что шею бедняге перегрыз какой-то крупный хищник.

– Насколько крупный? – уточнил Копылов: – Лев из зоопарка годится?

Что интересно, иронии в его вопросе я не заметила.

– Я не специалист по хищникам, – ответила я.

– Ну, хотя бы примерно, кто на него мог напасть? Тигр? Медведь? А может, его же собака?

– Судя по размеру раны, пасть очень крупная.

– Динозавр?!

– Насмотрелся «Парк Юрского периода»?

Опер скривился:

– Дось, ты шутить не умеешь, говоришь, словно протокол пишешь. Шепни по секрету, как лучшему другу: кто мог такое учудить в славном микрорайоне Ульяновка? – Его дурацкие вопросы меня успели утомить, и я сказала то, что не очень бы хотела говорить вслух:

– Такое мог сделать... некто... нечто...

Копылов изобразил задумчивость и почесал небритый подбородок.

– Нечто?.. – повторил он. – И какое оно, это «нечто»? Ладно... А может, все-таки собака?

– Исключено. Ротвейлер не мог бы так покусать хозяина, – ответила я.

– Ну да, он, похоже, и сам напуган. И что же напугало так песика до трясучки?

– Психология животных не моя специализация.

– Ох, Дося, что бы я делал без твоих ответов. – Копылов похлопал меня по плечу.

Я не приветствую подобную форму общения между коллегами, однако жизнь приучила меня быть сдержанной. Я никак не отреагировала на его похлопывание и просто отошла в сторону.

Прибыл сотрудник кинологической группы с довольно крупной овчаркой. Собака повела носом и села, трусливо поджав хвост. Кинолог дал команду «ищи», но овчарка попятилась, натягивая поводок. Она явно не была настроена работать: сколько ее ни тянули за ошейник, она скулила и упиралась. В конце концов кинолог не удержал поводок, овчарка вырвалась и, поджав хвост, кинулась к машине.

– Дурит боец? – спросил Копылов.

Кинолог смутился:

– Ничего не понимаю. Никогда Боб себя так не вел. Рабочий пес, нюх отменный.

– И на Боба бывает проруха, – заметил наш веселый опер. – Не в службу, а в дружбу: убери отсюда трусишку-ротвейлера. Чтобы гению криминалистики ничто не мешало составлять протокольчик.

Никак не отреагировав на это, я продолжила стоять с каменным лицом: мне тяжело привыкнуть к такому способу общения, да и привыкать я не хотела.

Ротвейлер жался к ноге кинолога, повизгивал и махал обрубок хвоста, преданно глядя на нового хозяина. «Вот оно, наглядное доказательство собачьей верности, – подумала я. – Что говорить о людях?»

Теперь от меня требовалось зафиксировать детали, которые дополняют результаты вскрытия, – рутинная процедура. Только я открыла чемодан с оборудованием, как появился оперативник Юра Замахин и сказал, что меня хотят видеть. Я удивилась и переспросила: точно ли меня? Замахин кивнул:

– Да, вызывают именно тебя.

– Кому это я так срочно понадобилась? Для какой цели?

Замахин указал в темнеющие кусты, чуть в стороне от полицейских машин:

– Высокое начальство.

Я сняла одноразовые перчатки.

Хочу заметить: психологию я считаю лженаукой. Вместо того чтобы изучать мозг, эти жулики пытаются разобраться в последствиях его функционирования. Бесплезная затея, по моему. Однако когда я подошла к мужчине, державшемуся в стороне от остальных, мне захотелось применить один-другой фокус психологов. Мне легче описывать мертвых, чем живых. А поскольку этот был живым, описать мне его ужасно трудно. Высокий, выше меня на голову, довольно крепкого сложения, наверняка бывший спортсмен. И хотя он был в штатском, по чину был не меньше полковника – скорее даже выше. Не наше ведомство, сразу догадалась я: Следственный комитет или прокуратура. Не исключено, что и ФСБ. Одет он был во что-то нелепое... Деталей одежды не помню, но что меня поразило, так это его солнцезащитные очки. Носить темные очки в сумерках белых ночей не модно, а глупо.

Он разглядывал площадку и, когда я подошла, никак не отреагировал. Я хотела задать вопрос, зачем он меня вызвал, но почему-то не смогла. А когда он повернул лицо, я...

На меня не действует мужское очарование. У меня развитый ум и сильная воля, я не подчиняюсь их так называемому обаянию. Что касается этого – то я все-таки должна признать, как для протокола: когда он взглянул на меня сквозь свои черные очки, я почувствовала, как по телу прошла колючая волна. Описать это ощущение сложно. От него исходила какая-то сила, непонятная, но ощутимая физически. Даже мурашки побежали по коже.

– Говорите, – произнес он.

Таким тоном можно и приказ отдавать, и обольщать девушку. Но только я не верю в магию обольщения.

Я четко, стараясь придерживаться фактов, описала жертву, рану, испуг ротвейлера и служебной собаки.

Мой собеседник выслушал, не показав эмоций. Наконец спросил:

– Кто мог напасть? Говорите честно.

Меня удивило требование честности в такой ситуации. А как я еще могу действовать, выполняя свою работу?

– По характеру раны трудно наверняка определить, кто убийца, – ответила я.

– А ваше личное мнение?

– Понятия не имею, кто бы это мог быть, – пожала я плечами в полной растерянности.

– Вокруг жертвы есть следы?

Я снова пожала плечами и сказала, что как раз собиралась это выяснить, когда меня позвали.

– Хорошо, я найду вас позже, Авдотья...

– Криминалист Чернова, – поправила я.

Мой странный собеседник шагнул в кусты и будто растворился в них. Если бы не шорох веток, можно было бы решить, что никого здесь и не было.

Что-то неприятное я почувствовала во всем этом. Честно говоря, мне просто стало не по себе. Малоприятное чувство, должна заметить.

Среди оперов, травивших горло табаком, я нашла Замахина и спросила, что это был за тип и откуда взялся на нашу голову. Юра выпустил струю ядовитого дыма и, лениво разгоняя его ладонью, усмехнулся:

– Привет, звезда криминалистики. В чем вопрос?

– Ты сказал, что меня вызывает какой-то начальник. – Я указала в сторону кустов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.